

УДК 1 (091)

DOI: 10.17223/1998863X/32/28

В.А. Бойко

АПОЛОГИЯ ВОЙНЫ ФРИДРИХА НИЦШЕ

Рассматривается роль метафоры и концепта войны в творчестве Фр. Ницше. Учение о противопоставлении аполлоновского и дионисовского начал в культуре Древней Греции служит исходным контекстом тематизации войны; анализ кризисного состояния современного мира приводит Ницше к идее «высшей культуры», в основе которой – жестокость и война. С другой стороны, Ницше всецело подчиняет свой стиль власти метафоры войны: он провозглашает войну морали, христианству, состраданию; постоянно ведет войну с собой, отождествляет себя с войной. Апология войны Ницше есть демонстрация новой философии, располагающейся по ту сторону добра и зла, и нового языка. «Война» выступает как предельное основание языка самой жизни, языка «свободного ума».

Ключевые слова: *концепт войны, метафора войны, становление, воля к жизни, язык, свободный ум.*

О войне философы рассуждают много и с хорошим знанием дела. Рождение философии в Древней Греции, стремительное освобождение логоса из объятий мифологии сопровождаются рефлексией над господствовавшими в античном сознании мифологемами, к числу которых принадлежала и идея «космической распри», «божественной войны». В войне, распри, борьбе видел основу всего существующего Гераклит: «Должно знать, что война общепринята, что вражда – обычный порядок вещей, и что все возникает через вражду...» [1. С. 201]. Война, по Гераклиту, есть противоположность, приводящая к возникновению космоса, она – условие существования космоса как упорядоченного целого, «все вещи вечно управляются через вражду», «Война и Зевс тождественны». С одной стороны, для раннего греческого философа война выступает в качестве метафоры непрекращающейся борьбы противоположностей, но, с другой – во фрагментах основоположника диалектики мы имеем дело с концептуализацией войны. Война здесь выступает в качестве предельного понятия: «Война (Полемос) – отец всех, царь всех: одних она объявляет богами, других – людьми, одних творит рабами, других – свободными» [1. С. 202]. Другой греческий мыслитель, Эмпедокл, также утверждал Войну (Вражду, Распрю, Ненависть) наряду с Любовью в качестве двух основных онтологических принципов организации изначальных элементов мироздания. Но, в отличие от Гераклита, Эмпедокл видел во Вражде негативную силу, которая разделяет разнородные «корни всех вещей» и соединяет однородные.

Таким образом, уже на заре становления философской рефлексии мы сталкиваемся с двойственным характером философского словоупотребления. «У нас есть только два способа выражения: понятие и образ. Система развивается в понятиях; но когда её перемещают к интуиции, давшей ей начало, она сжимается в образ: если же мы хотим превзойти образ и подняться над

ним, то неизбежно вновь скатываемся к понятиям, и к тому же к понятиям, еще более смутным, более общим, нежели те, от которых мы отправились на поиски образа и интуиции» [2. С. 211–212], – характеризует специфику философского познания А. Бергсон. Творческий характер философской деятельности предполагает свободу выбора способов выражений, связанных в единую систему понятий и образов, концептов и метафор.

В лексиконе Фридриха Ницше «война» занимает особое место. «Ученик философа Диониса», великий «имморалист дела» не устает подчеркивать свою воинственность и решительность, благодаря которой он ведет наступление на схемы и шаблоны, ведущие человечество к деградации и разрушению, философствует молотом. «Я по-своему воинственен. Нападение – один из моих инстинктов. Уметь быть врагом и быть им – это предполагает, пожалуй, сильную натуру...» [3. Т. 6. С. 201]. Однако когда Ницше объявляет войну морали, христианству, состраданию, пессимистической усталости и унынию; когда он сообщает читателям, что его «маленькое сочинение» «Сумерки идолов» есть «великое объявление войны» [3. Т. 6. С. 12]; когда он постоянно ведет войну с собой, суть которой – умение перехитрить и обуздать себя, отождествляет себя с войной, и во всех прочих случаях, когда философ переносит понятие войны в «дела духа», мы вынуждены констатировать лишь готовность Ницше подчинить свой стиль власти банальной метафоры.

Практически все исследователи творчества Ницше восхищаются стилем его письма, виртуозным владением искусством слова. В чем заключается специфика работы Ницше со словом? «Стиль его письма и философствования отчасти заключается в том, чтобы расширить, а затем внезапно ограничить значение слова... Он обычно брал слово, имеющее ограниченное употребление, и придавал ему значительно более широкое значение, используя его для описания таких вещей, которые никогда ранее не рассматривались как подпадающие под значение данного термина. Затем, неимоверно расширив объем этого слова, он заставлял его возвращаться обратно в тот контекст, из которого оно было извлечено. И тогда контекст оказывался перегруженным подобной концептуальной энергией и не был способен ее выдержать» [4. С. 14]. Высказывания Ницше открыты различным контекстам, благодаря чему образы, переплетаясь с понятиями, приобретают глубину, а понятия, сопровождаемые образами, – выпуклость, рельеф, масштаб. Метафора определяет аксиологическую значимость концепта, а концепт выступает средством расширения метафоры. Причем открытость этих высказываний разным контекстам нередко ведет к появлению контекстуальных химер, комбинаций несопоставимых контекстов, что, в свою очередь, приводит к взрыву языковой нормы, освобождению из-под власти традиции, новому словарю. Следующий шаг – рождение «интересной философии», которая «редко бывает проверкой *за* и *против* тезиса. Обычно, явно или неявно, она бывает соперничеством между окрепшим словарем, ставшим помехой, и словарем, еще наполовину образованным, который смутно обещает большие вещи» [5. С. 29]. Ницше, утверждает Р. Рорти, относится к тем великим философам-революционерам, «которые трепещут при мысли, что их словарь может быть вообще институализирован или что их сочинения могли бы ока-

заться соизмеримыми с традицией» [6. С. 273]. Авторитету традиции можно противопоставить лишь тотальное доверие новому словарю, искусство не упускать из виду даже самые, казалось бы, незначительные нюансы разворачивания новых стратегий письма.

К. Ясперс, начиная свою книгу о Ницше, сравнивает его творчество с взорванным в горах утесом, чьи более или менее обработанные камни указывают на существование цельного замысла. «Но сооружение, ради которого был, по-видимому, осуществлен взрыв, не возведено. И все же для того, кто однажды вступил на путь, открывающий возможность что-либо строить, то обстоятельство, что творчество похоже на груды строительного материала, вероятно, не может заслонить собой его духа: для него множество еще не до конца обработанных камней складывается в единое целое» [7. С. 64]. Движение к «единому целому» Ницше, его «духу» есть демонстрация возможностей словаря Ницше, пристальное наблюдение за трансформациями, которые происходят со значениями слов – агентов взрывоопасной игры контекстов. «Если кто-то возьмет на себя труд по восстановлению его философии, по фиксации изменений, которые претерпевают значения его слов при переключении с контекста на контекст и обратно, то тогда Ницше неожиданно предстанет как почти что систематический, а равно и оригинальный и аналитический мыслитель. – Категорический отказ Ницше следовать проторенными путями философского поиска, его презрение к системе, выражающиеся в спонтанности и фрагментарности письма Ницше, препятствуют реализации благих стремлений А. Данто. – Однако подобная задача не так уж проста. Его мысли рассеяны по многим слабо структурированным томам, а его личные утверждения представляются слишком искусными и написанными по конкретным поводам, чтобы выдержать серьезную философскую проверку» [4. С. 15].

Посредством данной статье внесем свою лепту в движение к «единому целому» Ницше, рассмотрим, как обстоит дело с появлением и развитием концепта войны в его творчестве.

В ранних произведениях Ницше тематизация войны оформляется в контексте его учения о роли аполлоновского и дионисовского начал в истории древнегреческой культуры и государства: «воинский стан аполлоновского начала... лишь в непрерывном противодействии титанически-варварской сущности дионисовского начала» позволил долго продержаться «упорно-неподатливому, со всех сторон огражденному и укрепленному» дорическому искусству, «жесточкой и беспощадной» дорической государственности [3. Т. 1/1. С. 38]. Образы «великолепных тел античных статуй» вызывают у философа «постоянную мысль о войне» [3. Т. 9. С. 307]. Войну он признает «нормальным состоянием» общества, а мир – временным [3. Т. 7. С. 400]. Согласно Ницше, в рождении античной цивилизации война играла ключевую роль, и «мы содрогнулись бы, если б хоть раз поняли... “по-гречески”» причину упоения древних греков изображением войны в поэмах Гомера [3. Т. 1/1. С. 292]. «Осмелимся же произнести вслух, что война есть для государства такая же необходимость, как рабы для общества: и кому удастся спрятаться от этого знания, если он честно поставит вопрос о причинах недостижимого художественного совершенства греков?» [3. Т. 7. С. 180], – риторически вопрошает поклонник античности.

Упоению «греческого мира» войной Ницше уже в своих ранних работах противопоставляет «*страх войны*», характерный для его современников. Этот страх он связывает с отсутствием «инстинкта государственности» у ловких «международных безродных финансовых отшельников», которые злоупотребляют политикой, государством и обществом в целях собственного обогащения. «Единственным противоядием против этого опасного отклонения государственной тенденции к денежной является война и только война... государство не основано на страхе перед демоном войны, как убежище для эгоистичных одиночек, но в любви к родине и государям рождает этический порыв, указующий на его гораздо более высокое назначение. – Захваченный идеей целительной силы войны Ницше пытается остановиться, и даже просит читателей простить ему «при случае» прославление войны, но славить войну продолжает. – Страшно звенит ее серебряный лук: и хотя она и шествует подобно ночи, все же она – Аполлон, настоящий бог освящения и очищения государства» [3. Т. 1/1. С. 283–284]. В войне и военном сословии Ницше усматривает *прообраз государства*, рождение *военного гения* – первоначального основателя государства – служит наглядным проявлением внутреннего процесса кристаллизации самой идеи государства. В свете этой идеи «каждый человек, со всей его деятельностью, имеет лишь постольку достоинства, поскольку он сознательно или бессознательно является орудием гения, из чего можно вывести этическое последствие, что “человек сам по себе”, абсолютный человек, не обладает ни достоинством, ни правами, ни обязанностями: лишь как полностью детерминированное, служащее бессознательным целям существо человек может оправдать свое существование» [3. Т. 1/1. С. 285]. Впрочем, не только общественная жизнь игнорирует «частного человека», «Природа ведет себя так же, как война, – безразлично к ценности одиночек» [3. Т. 8. С. 32].

Пиетет перед «варварским правом войны» не мешает Ницше критически относиться к последствиям современных ему войн, в частности Франко-прусской войны 1870–1871 гг., «дурных и опасных последствиях» войны, где немцы победили. Общественное мнение в Германии восхваляет эту войну, указывает «на величественные феномены ее влияния на нравственность, культуру и искусство». Философ же предупреждает, что «великая победа – это великая опасность», когда она не связана с торжеством культуры победившей нации, слабость немецкой культуры «способна превратить нашу победу в безоговорочное поражение... и даже искоренение немецкого духа во благо “германского рейха”». Ницше подчеркивает, что «в нашем случае о победе немецкой культуры не может быть и речи в силу простейших причин, – ведь французская культура существует, как и прежде, и мы, как и прежде, от нее зависим. Наша культура даже не содействовала военным успехам. Строгая воинская дисциплина, природная храбрость и выдержка, превосходство вождей, единство и послушание среди ведомых, словом, элементы, не имеющие к культуре никакого отношения, важнейшие из которых у противника отсутствовали, – вот что способствовало нашей победе над ним. Можно лишь удивляться тому, что нечто, называемое в сегодняшней Германии «культурой», практически не препятствовало достижению этих военных успехов...» [3. Т. 1/2. С. 9, 10]. В силу того, что «современный че-

ловек страдает ослаблением личности», война не может оказать на него своего целительного воздействия; «он превратился в наслаждающегося и бродячего зрителя и переживает такое состояние, из которого даже великие войны и революции могут вывести его разве только на одно мгновение. Война еще не кончилась, а ее уже успели сто тысяч раз переработать в печатную бумагу, она уже предлагается как новейшее средство для возбуждения испорченного аппетита тем, кто падок на историю» [3. Т. 1/2. С. 118–119]. «Великие войны современности – результаты изучения истории» [3. Т. 3. С. 145].

Как временный итог, парадоксальный вывод Ницше о несоответствии войны «современности»: «Не в пользу войны можно утверждать: победителя она оглушает, побежденного – озлобляет. В пользу войны: обоими только что названными следствиями она варваризирует, а тем самым сообщает большую естественность; для культуры она – состояние сна или зимней спячки, человек выходит из нее более сильным и для хороших дел, и для плохих» [3. Т. 2. С. 264–265]. Немецкий мыслитель подчеркивает и высоко ценит «поучительный жизненный опыт» войны, который выражается в ее опосредованном влиянии на культуру, война «насаждает варварство и приближает таким образом к природе» [3. Т. 8. С. 32]. Рассматривая «современного человека» сквозь призму «героических эпох», Ницше не может избавиться от чувства глубочайшего презрения: «Кто, общаясь с людьми, не отливает при случае всеми цветами злополучия, зеленея и серея от отвращения, пресыщения, сочувствия, сумрачности, уединенности, тот наверняка не человек с высшими вкусами» [3. Т. 5. С. 39].

Современную культуру он ощущает как деградацию, разложение человека; как торжество жуткой «последней воли» человека, его воли к Ничто, нигилизм: «У кого, чтобы нюхать, есть не только нос, но и глаза и уши, тот чует повсюду, куда он только нынче ни ступит, нечто вроде атмосферы сумасшедшего дома, больницы – я говорю... о зонах культуры человека, о всякого рода «Европе», где бы она еще ни встречалась на земле. *Болезненные* люди суть великая опасность человека: *не* злые, *не* «хищники». Заведомо увечные, поверженные, надломленные – *слабейшие* суть те, кто по большей части минируют жизнь под человеком, кто опаснее всего отравляют и ставят под вопрос наше доверие к жизни, к человеку, к самим себе. Куда увернешься от него, этого пасмурного взгляда, глубокая скорбь которого въедается в тебя навсегда, от этого попятного взгляда исконного недоноска, с головой выдающего его манеру обращаться к самому себе, – этого взгляда-вздоха!» [3. Т. 5. С. 341].

Ницше стремится вырваться из гнетущей его атмосферы цивилизации и уповает на память, благодаря которой «во взрывах страстей, в продуктах фантазии сновидений и безумия человек все вновь открывает предысторию свою и всего человечества: свою *звериную природу* с ее дикими гримасами» [3. Т. 3. С. 208]. Забвение этих первобытных состояний, ослабление этих воспоминаний характерно для современного человека, прозябающего в иллюзорном мире моральных предрассудков: «На людей, ныне проявляющих жестокость, нам следует смотреть как на сохранившиеся до сих пор ступени *прежних культур*: геологическая система человечества вдруг раскрывает в них глубинные пласты, которые иначе остались бы невидимыми. <...> Они

показывают нам, чем мы все *были*, и заставляют нас ужаснуться: но сами они так же мало отвечают за себя, как кусок гранита – за то, что он гранит» [3. Т. 2. С. 59].

Вторую природу современного человека составляет мораль, губительно воздействующая на изначальную природу индивида, на его инстинкты: «При нашем нынешнем воспитании мы сперва получаем *вторую природу*... Лишь немногие из нас в достаточной мере змеи, чтобы сбрасывать с себя эту кожу будней: такое возможно, если у них под внешней оболочкой вырелась первая природа. У большинства от этого сохнет костный мозг» [3. Т. 3. С. 253]. Зерно первородства высыхает у человека, застывшего в своем развитии, у человека-раба. «*Рабство*, – констатирует, скрепя сердце, Ницше, – *принадлежит к сущности культуры*» [3. Т. 1/1. С. 278], и призывает помнить о том, что в основе каждой культуры лежит жесткость. Есть лишь одна реальность – реальность *становления*, где «каждое мгновение пожирает предшествовавшее; каждое рождение является смертью бесчисленных существ; зачинать, жить и убивать – одно» [3. Т. 1/1. С. 279]. Ницше всеми доступными ему средствами демонстрирует, что «сама жизнь *в существенном*, именно в основных своих функциях, действует оскорбительно, насильственно, грабительно, разрушительно и была бы просто невысказима без этого характера» [3. Т. 5. С. 292]. Культура делает человека слабым, так как в ее пределах «слишком высоко ценится и чересчур легко достигается удовлетворение фантазий власти – вследствие чего истинная власть ослабевает (власть над самим собой и т.д.)» [3. Т. 9. С. 153].

Заря человеческой истории, согласно Ницше, освещает нам картину жизни оснащенных «надежными инстинктами-регуляторами» полузверей, «счастливо приспособленных к зарослям, войне, бродяжничеству, авантюре» [3. Т. 5. С. 300]. Их высшим наслаждением была жестокость: «Жестокость относится к числу самых древних человеческих праздников души. Следовательно, люди думают, будто и *боги* будут наслаждаться и ликовать, если предложить им зрелище жестокости...» [3. Т. 3. С. 28–29]. Ничтожным людям современности и их жалким убеждениям Ницше противопоставляет древних благородных варваров, «их равнодушие и презрение к безопасности, телу, жизни, удобствам; их ужасающую неомраченность и глубину удовольствия, испытываемого от всяческого разрушения, всяческого сладострастия победы и жестокости» [3. Т. 5. С. 258]. «В основе всех этих благородных рас нельзя не признать хищного зверя, роскошную, похотливо рыщущую в поисках добычи и победы *белокурую бестию*; этой скрытой основе время от времени требуется разрядка, зверь должен наново выходить наружу, наново возвращаться в заросли» [3. Т. 5. С. 257], – это не рассуждения кабинетного ученого, это восторг ученика Диониса! И наилучший способ возврата к прошлому – война. «Столь легки войны, – восклицает Ницше, – в них человек возвращается в свое прежнее состояние» [3. Т. 9. С. 453]. «Новая форма общности: утверждаться посредством войны. Иначе дух становится вялым» [3. Т. 10. С. 435].

Так, в качестве противоположности идеи культуры как рабства рождается идея «высшей культуры». «Почти все, что мы называем “высшей культурой”, покоится на одухотворении и углублении *жестокости*, – заявляет

Ницше, – “дикий зверь”, о котором шла речь, вовсе не умерщвлен, он живет, он процветает, он только обожествился» [3. Т. 5. С. 155]. Жизнь есть непрерывный поток, становление. И этот прекрасный водопад жизни стремятся отравить, превратить в болото дурно пахнущие представители толпы, верящие в себя «как в свершившиеся, полностью *выросшие факты*» [3. Т. 3. С. 301], – воплощение физиологического регресса, *décadence*'а. Воле к жизни обыватель наивно противопоставляет взращенные посредством него пред-рассудки, совокупность которых составляет мораль. Только при условии, что мы, следуя Гераклиту, видим в человеке арену борьбы, знаем, что «с ним нечто возмещается, нечто приуготовляется, словно человек не цель, но лишь путь, инцидент, мост, великое обещание...» [3. Т. 5. С. 302; ср.: 3. Т. 4. С. 203], только тогда нам открывается перспектива человека как *воли к жизни*. Ради этой перспективы необходимо отринуть господствующие сегодня христианские ценности, отказаться от «всеобщей морали»; «убийства, войны и т.д., открытое насилие, зло власти следует объявить добром – тогда как зло слабости отныне следует называть *злом*» [3. Т. 9. С. 423]. «Сегодня необходимы жестокость, скрытность, неуютность, неравенство в правах, война, разного рода потрясения, короче, то, что противостоит всем стадным идеалам» [3. Т. 11. С. 433]. Лучшие люди – это личности, отличающиеся храбростью и воинственностью [3. Т. 9. С. 580]. Ницше отстаивает тезис, что война воспитывает свободного человека: «Ибо что такое свобода, как не воля к ответственности за самого себя; как не сохранение дистанции, которая нас разделяет; как не равнодушие к тяготам, суровым лишениям, даже к жизни; как не готовность жертвовать за свое дело людьми, не исключая и самого себя? Свобода означает, что мужественные, воинственные и победоносные инстинкты господствуют над другими инстинктами, например над инстинктом «счастья». *Освободившийся* человек, тем более *освободившийся ум*, попирает ногами все то презренное благоденствие, о котором мечтают мелочные лавочники, христиане, коровы, женщины, англичане и прочие демократы. Свободный человек – *воин*» [3. Т. 6. С. 86].

Дабы воскресить исчезающую силу жить, современные европейцы инстинктивно ищут приключений, опасностей и иных суррогатов войны. «Война, символически понимаемая, придает мужество» [3. Т. 8. С. 314]. «Неизбежно утомленное человечество..., – утверждает Ницше, – нуждается не просто в войнах, а в войнах величайших и ужаснейших, то есть во временных рецидивах варварства, чтобы, совершенствуя инструменты культуры, не лишиться своей культуры и самого своего существования» [3. Т. 2. С. 286]. Войны должны научить нас: «1) сближать смерть с интересами, за которые идет борьба, – вот что делает *нас* достойными уважения; 2) нужно научиться приносить в жертву *многих* и относиться к своему делу достаточно серьезно, чтобы не жалеть людей; 3) строгой дисциплине, а в войне – праву на насилие и хитрость» [3. Т. 11. С. 41]. Война – это лекарство, рекомендованное «народам, которым грозит истощение и убогая жизнь... если они вообще хотят еще существовать – ведь для чахоточных народов есть и зверские методы излечения»; народу, представители которого живут «насыщенной и дельной жизнью» и готовы отдать эту жизнь «за одно-единственное ценное переживание», такому народы войны не нужны [3. Т. 2. С. 585]. Од-

нако сегодня следует признать неизбежность войн. Жизнь не умеет отрывать «Да» от «Нет», «что толку от всей души считать войну злом, стремиться не причинять вреда, не противиться! Войны все равно ведутся! Да иначе люди и вообще не могут!» [3. Т. 13. С. 428]. У человечества, полагает Ницше, нет будущего, если оно утратит способность вести войны; «мы не знаем никакого другого способа, которым можно так же сильно и уверенно, как делает всякая большая война, сообщить утомленным народам такую грубую энергию бивака, такую глубокую безличную ненависть, такое хладнокровие убийцы с чистой совестью, такой коллективный, организующий пыл в уничтожении врага, такое гордое безразличие к великим утратам, к собственной жизни и к жизням приятелей, такое глубинное, подобное подземным толчкам, потрясение души: пробивающиеся отсюда ручьи и реки, правда, катящиеся с собою камни и всякого рода нечистоты и уничтожающие луга нежных культур, потом, при благоприятных обстоятельствах, будут с новой силой вращать приводные колеса в мастерских духа. Культура никак не может обходиться без страстей, пороков и зла» [3. Т. 2. С. 285–286].

И нет никакой надобности искать повода для развязывания новой войны: «Монарх, изыскивающий какой-нибудь *casus belli* для уже заранее принятого решения начать с соседом войну, подобен отцу, приводящему к своему ребенку мачеху, которая отныне должна считаться его матерью» [3. Т. 2. С. 314]. Что касается народа, вступающего в войну, то от него требуется, во-первых, умение подражать машине, множество людей должно стать *одной* машиной, а каждый индивид – орудием для достижения *одной* цели [3. Т. 2. С. 602], а, во-вторых, вера в победу правого дела. «Искусство современного государственного деятеля состоит в том, чтобы, когда развязывается война, народ вступал в нее с чистой совестью – верой в победу правого дела» [3. Т. 8. С. 598]. На великие войны и сильные военные машины указывает прежде всего Ницше, перечисляя «*антракты*, временные *избавления* от пессимизма»; далее следуют национализм, конкуренция в промышленности, наука, увеселения [3. Т. 12. С. 373]. Важный шаг на пути к возрождению нации – всеобщая воинская обязанность. Пройдет два-три поколения и несколько лет армейской службы станут «автоматической привычкой и условием, на которое человек с юных лет ориентирует свои жизненные планы», а государство сможет выгодно «переплести друг с другом школу и армию, способности, честолюбие и силу, то есть, предоставляя более благоприятные условия, приманивать в армию более способных и образованных и внушать им воинский дух восторженного послушания, чтобы они, возможно, так и остались на военной службе и заслужили своим дарованием новую, еще более светлую славу». «Тогда, – заканчивает свое рассуждение Ницше, – для больших войн будет не хватать только одного – повода... Ведь у “нации”, если она – нация солдат, во время войны всегда чистая совесть, ее даже не надо ей заранее внушать» [3. Т. 2. С. 472]. «Всеобщая *воинская повинность* и всамделишные, нешуточные войны» открывают составленный Ницше реестр «*наилучших тормозов и способов избавления от “современных вяний”*». Далее следуют *национальная тупость*; улучшение *питания* (мясо), *санитарных* и гигиенических условий в жилых помещениях; преобладание *физиоло-*

гии в области знаний; воинская строгость требований и постоянное осознание своих «обязанностей» [3. Т. 12. С. 393].

Однако не всякую войну приветствует Ницше. Он отвергает войну – и как метафору, и как концепт – «множества против немногих, обыкновенных против исключительных, слабых против сильных» [3. Т. 12. С. 138]. Он предупреждает, что в современных условиях война может быть разыграна в качестве одной из составляющих «великой комедии бессилия», которая призвана внушить тем, у кого «нет власти над собой», ложное чувство власти [3. Т. 9. С. 141]. «И, в разгар всего этого декаданса, – войны за “отечество”, за этот смехотворный послед патриотизма, каковой по экономическим причинам превратится в комедию уже лет эдак через сто... Это сведение на корню лучших мужчин в войнах» [3. Т. 13. С. 392]. Современный человек бессознательно стремится разрушить себя и ради этого готов идти воевать: «Стоит лишь теперь разразиться какой-нибудь войне, как тотчас же в сердцах благороднейших представителей народа прорывается, конечно, затаившаяся радость: они с ликованием бросаются навстречу новой смертельной опасности, ибо в самопожертвовании за отечество рассчитывают получить наконец это долгожданное позволение – позволение ускользнуть от своей цели: война для них есть окольный путь к самоубийству, но окольный путь с чистой совестью» [3. Т. 3. С. 591]. И, наконец, неудачная война используется «слабыми, униженными, угнетенными» для пробуждения в себе *чувства власти*: они приносят в жертву зачинщика войны [3. Т. 3. С. 119–120]. Ведь «не “государство” ведет войны, а князь или министр, не надо позволять обманывать себя словами. Смыслом государства не может быть государство, еще меньше общество: но отдельные люди» [3. Т. 8. С. 32].

У Ницше даже можно встретить рассуждение, противоречащее его апологии войны, – «Средство для достижения подлинного мира», где речь идет о *бесчеловечности* предпосылки, из которой исходят современные государственные мужи: образ мыслей соседа плох, а мой – хорош. Эта предпосылка «приписывает соседу безнравственность... провоцирует враждебное к нему умонастроение и враждебность на деле», поэтому «она так же плоха, как война, и даже еще хуже: мало того, в своей основе она – уже призыв к войне и ее причина». Ницше предлагает отказаться от доктрины армии как средства самообороны, равно как и от «завоевательских поползновений». «И, возможно, придет когда-нибудь великий день, когда народ, отличившийся в войнах и победах, в самой эффективной постановке военного дела и военной науки и привыкший приносить всему этому самые тяжелые жертвы, по собственной воле воскликнет: *«Мы ломаем свой меч!»* – и вся его военная организация рухнет до последних оснований. *Добровольно лишиться обороны, быв самой обороноспособной нацией*, и сделать это совершенно сознательно – вот средство для достижения подлинного мира, который неизменно должен зиждиться на мирном образе мыслей: в то время как так называемый вооруженный мир, который теперь популярен во всех странах, есть образ мыслей раздора, не доверяющий ни себе, ни соседям и не кладущий оружия и из ненависти, и из страха. Лучше погибнуть, чем ненавидеть и бояться, и вдвойне лучше погибнуть, чем заставлять ненавидеть и бояться себя, – когда-нибудь это должно стать даже самым категоричным правилом для ка-

ждого общества, обладающего государством!» [3. Т. 2. С. 626]. Что это? Исключение из привычного для Ницше круга суждений о войне, позволившее ему лишний раз высмеять «народных избранников», пекущихся о «постепенном снижении бремени вооружений»? Шутка гения? Ведь в черновых записях этого периода Ницше восклицает: «Сокращение вооруженных сил – это нелепость! Сломать меч!? Как меч справедливости, так и войны! Драгоценнейшее, победоносное оружие!»; «Армии вынужденной обороны? – Но вынужденная оборона ради самосохранения. Сколько наступательных войн велось ради самосохранения! (Чтобы предупредить нападение, чтобы отвлечь народ и т. д.) Завоеватель тоже ищет в конечном счете только своего самосохранения... <...> Ни одно государство сейчас не признается, что содержит армию из завоевательных намерений. Это значит: обвинять соседей в завоевательных намерениях и в лицемерии. Это враждебное настроение» [3. Т. 8. С. 641]. Враждебное настроение Ницше, как правило, приветствует. Вражду и войну относит к числу жизнеутверждающих эффектов. Но когда речь идет о вырождающемся современном мире и безжизненной современной политике, все переворачивается вверх ногами. «Каждая философия, ставящая мир выше войны, – ставит диагноз немецкий мыслитель, – ...позволяет спросить, не болезнь ли была *тем*, что вдохновляло философа» [3. Т. 3. С. 317].

Вдохновленный здоровьем философ воспеваает войну. Заратустра – alter ego Ницше – называет войну необходимым злом [3. Т. 4. С. 37] и посвящает одну из своих речей войне и воинам: «Я призываю вас не к работе, но к борьбе. Я призываю вас не к миру, но к победе. Пусть будет труд ваш борьбой и ваш мир победою!»; «Война и мужество совершили больше великих дел, чем любовь к ближнему. Не ваша жалость, а ваша храбрость спасала доселе несчастных»; «Итак, живите жизнью повиновения и войны! Что толку в долгой жизни! Какой воин хочет, чтобы щадили его! Я не щажу вас, я люблю вас до глубины души, мои собратья по войне!» [3. Т. 4. С. 48–49]. Заратустра знает, что война есть эпицентр жизни: «Мужчина должен быть воспитан для войны, а женщина для отдохновения воина; всё остальное – глупость» [3. Т. 4. С. 68]. «На войне вы святые, даже когда убиваете и сжигаете» [3. Т. 10. С. 94]; «Лишь на войне вы святые, даже если вы разбойники и жестоки» [3. Т. 10. С. 168], – читаем в черновых заметках к книге «Так говорил Заратустра».

В «Книге для всех и ни для кого» сложно отделить метафору от концепта. Здесь Ницше достигает ослепительных вершин философского познания. Но там, где он оперирует метафорой войны, этот образ несет позитивный, утверждающий *жизнь* смысл: «Война есть мать всех хороших вещей, война есть также мать хорошей прозы!» [3. Т. 3. С. 411]; «Я хочу *войн*, в которых те, у кого есть смелость жить, изгонят остальных; этот вопрос должен снять все оковы и изгнать уставших от жизни: вы должны вытолкнуть их, осыпать презрением или заключить в сумасшедшие дома, подтолкнуть их к отчаянию и т.д.» [3. Т. 11. С. 86]; «Прежде всего *война*. Война всегда была великой находкой всех сокровенных, ставших слишком глубокими умов; даже в полученных ранениях заключена целебная сила» [3. Т. 6. С. 11]; «Мы, вольные умы, – мы *воплощенное*

объявление войны всем прежним понятиям “истинного” и “ложного”; в нас самих – “переоценка всех ценностей”» [3. Т. 6. С. 118].

Итак, «любите мир как средство к новым войнам», ибо «добрая война освящает всякую цель» [3. Т. 4. С. 48], – говорит Ницше-Заратустра. «Отказываясь от войны, отказываешься от *великой* жизни...» [3. Т. 6. С. 37], – добавляет Ницше-философ. О чем свидетельствует эта готовность Ницше подчинить свое творчество «войне»? Ведь он хорошо понимал ту угрозу, что несут в себе распространенные способы словоупотребления, банальные метафоры, для интеллектуальной свободы. Трактую мышление в целом и философское мышление в частности как следствие взаимодействия инстинктов, он настаивает на том, что философия «свободных умов» – новая философия, располагающаяся по ту сторону добра и зла, – нуждается в собственном языке. Апология войны Ницше есть демонстрация новой философии, нового языка. Ницше умеет хранить верность себе, избегая паутины личностей и слов, истории и культуры, собственных черт характера и собственных текстов. Дабы не оказаться в сетях и прочих ловушках, заботливо расставленных на пути *оригинального ума* современной культурой, он вырабатывает стратегию *умножения и дробления* себя, использует тактику *надевания масок*. *Жизнь* предписывала Ницше бегство от себя, противостояние различным *данностям*, внутренним и внешним. «Война» в этом контексте выступает не только как «высшая» метафора *жизни*, но и как предельное основание языка самой жизни, языка «свободного ума».

Литература

1. *Фрагменты* ранних греческих философов / Изд. подготовил А.В. Лебедев. М.: Наука, 1989. Ч. I.
2. Бергсон А. Философская интуиция // *Путь в философию: Антология*. М.: ПЕР СЭ; СПб.: Университетская книга, 2001. С. 203–219.
3. Ницше Ф. Полное собрание сочинений: в 13 т. М.: Культурная революция, 2005–2014. Т. 1–13.
4. Данто А. Ницше как философ / пер. с англ. А.А. Лавровой. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000.
5. Рорти Р. Случайность, ирония и солидарность / пер. с англ. И.В. Хестановой, Р.З. Хестанова; науч. ред. В.В. Целищев. М.: Русское феноменологическое общество, 1996.
6. Рорти Р. Философия и зеркало природы / науч. ред., предисл. и пер. с англ. В.В. Целищева. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1997.
7. Ясперс К. Ницше. Введение в понимание его философствования. СПб.: Владимир Даль, 2004.

Boyko Vladimir A. Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk, Russian Federation)
DOI: 10.17223/1998863X/32/28

FRIEDRICH NIETZSCHE'S APOLOGY OF WAR

Keywords: war, the concept of war, the metaphor of war, becoming, the will to life, language, Free Spirits

The article discusses the role of metaphor and the concept of war in Fr. Nietzsche's texts. The doctrine of the opposition between the Apollonian and Dionysian origins in the culture of ancient Greece is the original context of the war thematization; Nietzsche's analysis of the crisis state of the contemporary world leads to idea of "higher culture" based on violence and war. On the other hand, Nietzsche completely subordinates his style to the metaphor of war: he declares a war on morality, Christianity, compassion; he constantly engages in war with them, identifying himself with the war. Nietzsche's statements are open to different contexts, thus, the images intertwined with concepts

acquire depth; the concepts accompanied by images acquire dimension, relief, scale. Metaphor defines the axiological importance of the concept; the concept is a means of expanding the metaphor. The openness of these statements to different contexts often leads to contextual chimeras, combinations of disparate contexts, which in turn leads to an explosion of the language norm, liberation from the power of tradition, a new language. Nietzsche's apology of war is a demonstration of the new philosophy and is located on the other side of good and evil. The "war" stands as the ultimate foundation of the language of life itself, the language of the "Free Spirits".

References

1. Lebedev, A.V. (ed.) (1989) *Fragments of the early Greek philosophers*. Moscow: Nauka.
2. Bergson, A. (2001) *Filosofskaya intuitsiya* [Philosophical intuition]. In: Lepit, S.Ya. (ed.) *Put' v filosofiyu: Antologiya* [A path to philosophy: An Anthology]. Moscow: PER SE; St. Petersburg: Universitetskaya kniga. pp. 203–219.
3. Nietzsche, F. (2005–2014) *Polnoe sobranie sochineniy: v 13 t.* [Complete Works. In 13 vols]. Translated from German. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya.
4. Danto, A. (2000) *Nitsshe kak filosof* [Nietzsche as a philosopher]. Translated from English by A.A. Lavrova. Moscow: Ideya-Press.
5. Rorty, R. (1996) *Sluchaynost', ironiya i solidarnost'* [Contingency, Irony and Solidarity]. Translated from English by I.V. Khestanov, R.Z. Khestanov. Moscow: Russian Phenomenological Society.
6. Rorty, R. (1997) *Filosofiya i zerkalo prirody* [Philosophy and the Mirror of Nature]. Translated from English by V.V. Tselishchev. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
7. Jaspers, K. (2004) *Nitsshe. Vvedenie v ponimanie ego filosofstvovaniya* [Nietzsche. Introduction to the understanding of his philosophy]. St. Petersburg: Vladimir Dal'.